

**РОЛЬ ИЕЗУИТОВ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА В РАСПРОСТРАНЕНИИ УНИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939)**

Подробно описывается появление на белорусских землях первых иезуитов восточного обряда и их деятельность, рассказывается об основании и функционировании монастыря иезуитов восточного обряда в Альбертине Слонимского повета и приходской жизни, о деятельности иезуитов в Вильно, участии в организации папской восточной семинарии в Дубно, а также подготовке кадров для униатской работы в Риме.

Appearance on the Byelorussian grounds of the maiden Jesuits of eastern rite and their activity explicitly is described, it is told about the basis and operation of a monastery of the Jesuits of eastern rite in Albertin of Slonim region and the parochial life. The author expounds the activity of the Jesuits in Vilno, participation in organization of papal eastern seminary in Dubno, and personnel training for union activity in Rome.

Идея привлечения латинских монашеских орденов к деятельности по распространению католичества на Востоке появилась задолго до XX в. Эта проблема интересовала еще основателя ордена Игнатия Лойолу¹. В начале XVII в. Иосиф Рутский выступил в Риме с идеей перехода латинских монахов на восточный обряд². С XVII по XIX в. вопрос постоянно поднимался некоторыми представителями ордена, имелись отдельные случаи перехода иезуитов в восточный обряд. Дело даже было вынесено на Ватиканский собор (1869–1870), но генерал иезуитов отметил, что согласно канонам восточной церкви епископы выбираются среди монашеского клира, а принятие монахом-иезуитом епископского сана противоречит традициям и духу ордена. В итоге эта идея снова не была реализована. В 1884 г. обсуждался вопрос о работе иезуитов в Румынии и Галиции, к чему папа Лев XIII отнесся положительно, но ввиду оппозиции галицийского духовенства осуществление проекта снова было отложено³. Первая мировая война и социальные потрясения в Российской империи многое изменили. Сразу после окончания войны Львовский митрополит Андрей Шептицкий и Станиславский греко-католический епископ Григорий Хомышин высказывались о целесообразности основания восточной ветви иезуитов⁴. Подляшский римо-католический епископ Генрих Пшездзецкий, будучи в Риме в 1923 г., вел переговоры с генералом ордена иезуитов Владиславом Ледоховским⁵. Предложение епископа было принято. После того как в 1923 г. он представил план распространения византийско-славянского обряда, папа Пий XI привлек для его исполнения иезуитов⁶. Такой взгляд преобладает в польской и белорусской исторических науках, но Г. Вычавский считает, что план, с которым Генрих Пшездзецкий ездил в Рим в 1923 г., был выработан иезуитами, а С. Стенпень утверждает, что иезуиты уже до того времени создали восточную ветвь⁷.

Есть основания считать, что общепринятая точка зрения более близка к действительности, потому что дальнейшее развитие событий косвенно ее подтверждает. В 1923 г. из Парижа в Рим был вызван иезуит Карл Буржуа и назначен руководителем восточной миссии в Польше⁸. Осенью 1924 г. он первым из иезуитов принял восточный обряд⁹. К. Николаев, писал, что следующим иезуитом византийско-славянского обряда стал поляк Михаил Малиновский¹⁰. Однако согласно информации, представленной в журнале «Ориенс», Михаил Малиновский не принимал восточный обряд, оставался в римо-католическом обряде и обслуживал находящиеся в окрестностях Альбертина верующих римо-католиков¹¹.

В июле 1924 г. вместе с двумя иезуитами из Кракова на Подляшье выехал перешедший из православия С. Спытецкий¹². Первоначально они обосновались во Влодаве¹³. Вся Подляшская епархия была признана одним приходом, а его настоятелем стал Карл Буржуа, который должен был писать ежемесячные отчеты в курию. Первую попытку распространения католической церкви византийско-славянского обряда Генрих Пшездзецкий ре-

шил предпринять в околицах Влодавы, в Собибоже, считая, что при преобладающем православном населении легко будет найти сторонников унии. Но местное население ответило: «Знаем, что наших отцов нагайкой загнали в православие, мы же, однако, в православии родились и в нем хотим умереть». Как признали сами оба упомянутых иезуита и С. Спытецкий, они были слабо готовы к работе. Не удалась и первая попытка основания прихода в Голе, даже С. Спытецкий не знал местного диалекта, что было важно для местных жителей. Иезуиты чувствовали себя неуверенно и не смогли завоевать авторитет в связи с незнанием восточной литургии, церковных обрядов и местного языка¹⁴. Если бы в ордене иезуитов негласно и существовала восточная ветвь, то, учитывая его традиции, Михаил Малиновский и Карл Буржуа были бы более компетентны в вопросах восточной литургии.

Обоих иезуитов, к которым присоединились два брата, провинциал ордена перевел в Виленскую епархию, где костельные власти собирались основать малую семинарию, монастырь и новициат (дом для послушников) восточного обряда. Первоначально для этих целей собирались выделить здание бывшего базилианского монастыря в Таракане¹⁵, но главным центром иезуитов византийско-славянского обряда во Второй Речи Посполитой стал Альбертинский монастырь.

4 ноября 1924 г. в подаренном помещиком Владиславом Пусловским имении в Альбертине около Слонима открылся монастырь, где 24 июля 1925 г. оформился приход католической церкви византийско-славянского обряда, а в 1926 г. были получены права отдельного новициата. Вскоре в Альбертине оказались бывший воспитанник Петербургской Римо-Католической Духовной Академии иезуит Антоний Домбровский и священник Марселий Высокинский¹⁶. Польские власти не продлили визу Карлу Буржуа, и он был вынужден покинуть Польшу, вернувшись в конце 1925 г. в Париж¹⁷. Первым провинциалом восточной ветви иезуитов Второй Речи Посполитой стал Владимир Пионткевич¹⁸. При нем Альбертин достиг максимального развития. Владимиру Пионткевичу в момент принятия восточного обряда исполнилось 60 лет. После его смерти в 1933 г. Альбертинский монастырь возглавил Антоний Зембек, а в 1935 г. – Станислав Ласки¹⁹.

Автор девятого тома «Истории Русской Церкви» протоиерей В. Цитин писал, что организатором и руководителем Альбертинского монастыря был «вначале француз Филипп де Ронни, а после его отъезда ксендз белорусского происхождения А. Неманцевич»²⁰. Эта информация совершенно не соответствует действительности. Иезуита с таким именем в рассматриваемый период не было в окрестностях Альбертина. Возможно, автор имел в виду французского Филиппа де Режи, который прибыл в Альбертин на рубеже 20-х и 30-х гг. и поэтому не мог организовать монастырь. В 1931 г. он возглавлял новициат²¹. Известно, что в 1930 г. Филипп де Режи был помощником настоятеля²², но точных данных о том, что он возглавлял Альбертинский монастырь, обнаружить пока не удалось.

О. Гордиенко пишет, что монастырь иезуитов в Альбертине в 1924 г. основали 40 монахов-иезуитов, при этом не ссылаясь ни на какой источник²³. Исследование польской государственной и костельной статистики свидетельствует, что эта цифра значительно завышена. Антоний Домбровский в своей книге, посвященной Альбертинскому монастырю, пишет, что через пять лет после 1924 г., т. е. в 1929–1930 гг., насчитывалось более 40 иезуитов восточного обряда, «среди которых русские из Казани и Сибири, белорусы из-под Смоленска, Полоцка, Минска и Вильно, украинцы из Галиции, поляки из всех частей Польши, французы, словаки, румыны, болгары, чехи»²⁴. Но Антоний Домбровский в данной ситуации не отмечает, что эта цифра касается именно Альбертина и даже Второй Речи Посполитой. В 1930 г. иезуиты восточного обряда, кроме Альбертинской обители и связанного с ней прихода, имели в Западной Беларуси еще два других: в Сырко-

вичих, в 18 верстах от Альбертина, и в Вильно²⁵. На представленной в книге А. Домбровского фотографии братьев и послушников иезуитов византийско-славянского обряда в Альбертине были: настоятель прихода в Альбертине Эдуард Войтчак, настоятель прихода в Сынковичах Марселий Высокинский, наставник новициата и духовный отец обители Антоний Домбровский, протоигумен Владимир Пионткевич, настоятель прихода в Вильно Павел Мацевич, Филипп де Режи. За ними на заднем плане еще 16 человек²⁶, т. е. в 1930 г. к числу монахов и послушников Альбертинского монастыря вместе с настоятелями приходов в Вильно и Сынковичах принадлежало, как минимум, 22 человека.

В 1935 г. во Второй Речи Посполитой было 36 иезуитов, из них 30 – в Виленской епархии, на территории которой находился Альбертин, и шесть – в Дубно, на территории современной Украины, т. е. за пределами Западной Беларуси²⁷. Каталог великопольско-мазовецкой провинции ордена на 1938 г. представляет следующие данные о византийско-славянском обряде иезуитов в Польше: всех членов миссия насчитывала 49, из них священников – 14, клириков – 26, братьев-коадьюторов – 9. Но из них в Альбертине было четыре священника (один из них латинского обряда), пять братьев, пять в новициате. В Вильно работали два священника и пять клириков в лицее в Пинске. Остальные находились во Львове, Кракове, Люблине, Риме и даже Эстонии, т. е. за пределами Западной Беларуси²⁸. Приведенные данные подтверждают, что информация, представленная О. Гордиенко, не соответствует действительности.

Монастырь принимал всех желающих быть иезуитами византийско-славянского обряда, пытался воспитывать их в восточных традициях, и вместе с тем католических, согласно уставу ордена²⁹. В июле 1936 г. был торжественно заложен угловой камень под строительство в Альбертине одновременно двух святынь: униатской церкви и католического костела латинского обряда³⁰. В 1936 г. под руководством настоятеля Петра Бужака возник театральная кружок. Представления ставились на польском и белорусском языках. При церкви также действовала читальня³¹. Особое внимание в Альбертине обращалось на детей и подростков обоих полов. Для каждого возраста существовала особая организация с различными видами деятельности, которыми больше всего увлекалась та или иная возрастная группа³². В 1938 г. в Альбертине действовала организация мужской и женской молодежи восточного обряда. Они носили особую форму, а на Рождество посещали всех прихожан византийско-славянского обряда³³. Приходская жизнь была довольно богатой, и это не могло не отразиться на численности верующих. По оценке новогрудского воеводы, в 1939 г. приход насчитывал около 740 человек, «рекрутированных частично из эмигрантов-россиян, частично из русифицированного “тутейшего” населения»³⁴.

Альбертин был не единственным центром иезуитов византийско-славянского обряда в Западной Беларуси. В 1935 г. в Вильно по адресу ул. Погулянка, 6 также возникла их резиденция. Ее игуменом назначили Павла Мацевича, в помощь которому направили Иоанна Чернака³⁵.

Иезуиты курировали значительную часть подготовки кадров для униатской работы на территории Западной Беларуси и за ее пределами. Подготовка бывших православных священников для деятельности в качестве пастырей католической церкви византийско-славянского обряда первоначально велась у иезуитов в Кракове, а позже в Альбертине. В 1927 г. для этой цели организовали в Вильно переподготовку под руководством преподавателей семинарии и теологического факультета³⁶. Суперитором малой семинарии восточного обряда в Вильно стал Павел Мацевич³⁷. В 1938 этот пост занял Антоний Зембек. В 30-х гг. Папскую Восточную семинарию Дубно возглавил Антоний Домбровский, одним из преподавателей с 1934 был Антон Неманцевич. Из Вильно в Дубно в 1938 г. прибыли Павел Мац

вич и Иоанн Чернак³⁸. Все вышеперечисленные лица были членами ордена. В Риме подготовкой кадров для униатской работы также ведали иезуиты. В 1917 г. папа Бенедикт XV (1914–1922) основал Папский Восточный институт, который в 1922 г. поручил опекать иезуитам. В 1928 г. институт был организационно объединен с папским университетом Грегорианумом, также руководимым иезуитами³⁹.

Все дела восточных отделений католических монашеских орденов находились в общей компетенции созданной папой Бенедиктом XV в 1917 г. Конгрегации по делам восточных церквей⁴⁰. Папа Пий XI распоряжением от 21 апреля 1930 г. передал все дела восточных филиалов монашеских орденов в ведение комиссии «Про Руссия». Деятельность католических орденов на местах курировалась непосредственно епископами. Но комиссия «Про Руссия» существовала недолго. Декретом от 21 декабря 1934 г. папа Пий XI распустил ее, передав полномочия «Комиссии по чрезвычайным делам»⁴¹. После этого деятельность восточных филиалов монашеских орденов пошла на спад, что отразилось и на иезуитах. Тем не менее есть основания считать, что орден продолжал оставаться в авангарде восточной политики Ватикана. Когда 17 апреля 1938 г. католическая церковь канонизировала Андрея Боболю, гроб с его мощами для перевозки в Польшу из Рима передали иезуитам, куда он был доставлен с большой торжественностью и помещен в каплице иезуитов в Варшаве до сооружения особого храма в его честь⁴².

К. Николаев отмечал, что иезуиты считали старую унию совершенно непригодной для католической миссии в России⁴³, далеко не всегда выделяя при этом территорию Беларуси из ее границ. Однако Альбертинские иезуиты поддерживали контакт с греко-католиками Галиции. Вероятно, Карл Буржуа в 1924 г. не случайно ехал в Польшу через Галицию⁴⁴. В течение 30-х гг. XX в. Альбертинские иезуиты вели переписку с будущим греко-католическим митрополитом Иосифом Слипым во Львове⁴⁵.

Что касается национальной ориентации иезуитов византийско-славянского обряда в Западной Беларуси, то официально они не преследовали никакой политической и национальной цели. В качестве основного принципа были провозглашены слова апостола Павла из 9-й главы первого послания к коринфянам: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев, для подзаконных я был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных, для чуждых закона – как чуждый закона, чтобы приобрести чуждых закона, для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых»⁴⁶.

Согласно секретной информации МВД Второй Речи Посполитой 1932 г., Альбертин по сравнению с другими центрами византийско-славянского обряда во Второй Речи Посполитой «делает меньший акцент на национальный вопрос»⁴⁷. Такая точка зрения связывалась с позицией главы Альбертина Владимира Пионткевича⁴⁸. Но вести миссионерскую деятельность и быть вне политики невозможно, так как для этого необходимо использование какого-либо языка.

Провинциал польских иезуитов Станислав Сопух писал 10 марта 1923 г. Пинскому старосте: «...открываем дом в Альбертине около Слонима и просим староство в Пинске содействовать распространению польской культуры и католической культуры на восточных кресах, стремиться к открытию центров для сестер и поддерживать существующие. Если стремимся к удержанию Полесья и в целом восточных кресов при Польше, то недостаточно для этого силы оружия, а желательно густо основать еще на кресах католическо-польские религиозные и просветительские центры»⁴⁹. Первоначально Альбертинские иезуиты повели работу с местным населением на русском языке в русле стратегии, принятой в Риме относительно византийско-

славянского обряда и выработанной Мишелем д'Эрбиньи и русскими католиками Петром Волконским и Трубецким (имя в процессе исследования установить не удалось. – А. С.). По информации МВД Второй Речи Посполитой, «Ватикан, видя незначительные результаты (униатской. – А. С.) кампании, по предложению епископа Мишеля д'Эрбиньи, а также русских ватиканских католиков, князей Волконского и Трубецкого... решил проводить кампанию с целью вовлечения православного населения в Польше, а также и вне ее, под прикрытием русского национализма, обосновывая это тем, что кампания присоединения польских окраинных земель к единой церкви будет только тогда иметь успех, если она будет проводиться в национально-русском духе»⁵⁰.

В результате многие деятели белорусского национального возрождения в межвоенный период перестали поддерживать идею унии. Пожертвовавшая на возрождение унии в Западной Беларуси значительные средства Магдалена Радзивилл высказалась в письме к Андрею Цикоте 27 июля 1929 г. об иезуитах так: «...не имею доверия к фантастической поддержке унии польскими иезуитами в маскарадном восточном облачении... Меня возмущает система наемников-латиников, которые служат унии в течение 2-х или 3-х лет... Наш народ достаточно умен, чтобы его могли обмануть латинские комедианты»⁵¹. Антоний Домбровский в письме от 7 мая 1931 г. к Яну Тарасевичу в Америку жаловался, что в новициате Альбертина меньше всего белорусов⁵².

В первой половине 30-х гг. XX в. вектор национальной ориентации иезуитов византийско-славянского обряда в Западной Беларуси резко меняет направление. После того как был установлен контакт с Белорусской Христианской Демократией и после того как II Пинская конференция, проходившая с 1 по 3 сентября 1931 г., дала добро на использование в униатской работе местных языков, Альбертинские иезуиты начали вводить в практику и белорусские проповеди. Детский хор исполнял гимн по-белорусски, монашеский хор также исполнял белорусские песни, в детском саду, открытом иезуитами в начале 30-х гг., обучение, игры и разговоры проходили на белорусском языке⁵³. В начале 1932 г. иезуиты стали издавать на белорусском и русском языках религиозный журнал под заглавием «Да Злучэння» («К Соединению»). Затем издали «Белорусский календарь на 1932 г.», который содержал следующее предположение: «Если бы не Брестская уния, то белорусский народ погрузился бы в грязный польский или московский империализм и национализм..., так как две враждебные для Белоруссии силы: Польша и Москва в политической борьбе за нас, в первую очередь сделали бы религию орудием своей политической борьбы. От этой политики со стороны Польши уния могла еще кое-как обороняться, так как Папа Римский распространял опеку на белорусский народ, который разговором и психологией значительно отличается от польского народа... Уния поможет нам в деле нашего белорусского национального возрождения, так как отторгнет православную церковь от московщины и объединит ее с душой народа. После отторжения от “русского Рима” уния, как этого справедливо опасаются, не будет подчиняться “польскому Риму”, а польское влияние, как это было после Брестской унии, больше уже не повторится. Препградой ему станет белорусское национальное сознание, которое не допустит для потомства влияния Польши, или же, в других условиях, Москвы. Препградой будут так же и условия настоящего юридического положения народной личности, так как нельзя, как это было раньше, подталкивать и приписывать народные массы без их воли к той или иной вере»⁵⁴. Но большинство деятелей белорусского национального возрождения продолжали с недоверием относиться к деятельности Альбертинских иезуитов – осознание необходимости пасторской и издательской деятельности на белорусском языке пришло слишком поздно. Римо-католический священник, известный деятель

Белорусской Христианской Демократии и белорусского национального возрождения Адам Станкевич в 1939 г. писал: «Делали и делают попытки белорусской религиозной деятельности на издательской ниве и униаты. Работой этой руководят польские иезуиты... Работа же эта всегда была неискренняя и для религиозной культуры белорусского народа не принесла почти ничего»⁵⁵. Неудачей закончились также попытки альбертинских миссионеров привлечь к сотрудничеству учителей-белорусов, работавших в начальных школах⁵⁶. По оценке С. Стенпяня, процессы национального возрождения белорусов и украинцев были недооценены. Повлияло на ситуацию и то, что на русском языке существовала обширная религиозная литература, а также тот факт, что многие священники были русской национальности. И даже принятое 9 ноября 1926 г. на конференции епископов восточных территорий постановление о необходимости проведения катехизации на местном языке верующих, а также папские энциклики, рекомендовавшие использовать местные языки, не смогли коренным образом изменить сложившуюся тенденцию⁵⁷.

Опираясь на вышеприведенные факты, можно сказать, что в Западной Беларуси иезуиты византийско-славянского обряда действительно придерживались своего принципа, связанного с именем Апостола Павла: с поляками были поляками, с русскими – русскими, с белорусами – белорусами.

Иезуиты приняли активное участие в конференциях, проводимых в Пинске с начала 30-х гг. XX в., по вопросам распространения унии. Несмотря на то что Рим и польская костельная иерархия отнеслись к этому почину осторожно, председатель комиссии «Про Руссия» иезуит Мишель д'Эрбиньи выразил в частном письме свое благословение⁵⁸. На первой Пинской конференции было три иезуита: Антоний Домбровский, Ян Урбан и Владимир Пионткевич, которые всесторонне защищали восточный обряд в его синоидальной форме, а протоигумен Альбертина Владимир Пионткевич заявил: «Ошибаются те, кто видят в нас тех, кто хочет облегчить латинизацию и полонизацию восточных народов»⁵⁹. Мнение иезуитов имело большое значение: после дискуссии приняли резолюцию, положения которой соответствовали тому, чего добивались представители Общества Иисуса⁶⁰.

Но одно дело заявлять о необходимости строго придерживаться восточного обряда, как этого требовали папские энциклики по вопросу объединения, и совсем другое – следовать этому на практике. На самом деле постепенно аккуратно прощупывалась почва на предмет введения латинских элементов. Так, в декабре 1934 г. в издаваемом Альбертинскими иезуитами византийско-славянского обряда журнале «Да Злучэння» появилась статья, в которой рассказывалось о празднике безгрешного зачатия Девы Марии. Проводилась мысль о том, что не стоит «ее оскорблять, как в фальшивом православии», а также говорилось о том, что «...и православный народ верит в непорочное зачатие Девы Марии. Просто его вера разнится от веры Московского православия»⁶¹. В 1938 г. во втором номере издаваемого иезуитом Яном Урбаном журнала «Ориенс» вышла статья, подписанная инициалами Я. У., в которой говорилось, что первым о непорочном зачатии Девы Марии заговорил Дмитрий Ростовский, а папа после только подтвердил⁶². В третьем номере этого журнала за 1938 г. вышла статья униатского священника Б. Вачинского «Св. Григорий и Св. Захарий о филиокве», в которой проводилась мысль о том, что филиокве также свойственно и восточной традиции⁶³.

Вклад иезуитов византийско-славянского обряда в распространение унии в Западной Беларуси был довольно весомым. Я.Н. Мараш совершенно справедливо считал, что орден иезуитов сыграл в деле распространения унии самую значительную роль⁶⁴.

¹ См.: Łaski S. Jeziuci a obrządek wschodni // Oriens. 1935. № 2. С. 38–40.

- ² См.: Домбровский А. Альбертинская обитель отцов-иезуитов восточного греко-славянского обряда. Варшава, 1930. С. 3.
- ³ См.: Николаев К. Н. Восточный обряд. Дорога Рима в Россию (Рим – Польша – Россия). Париж, 1950. С. 89–91.
- ⁴ См.: Домбровский А. Указ. соч. С. 4–7.
- ⁵ См.: Мараш Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси (1918–1939). Мн., 1983. С. 12.
- ⁶ См.: Mucharski J. P. O zjednoczeniu Chrzescijan. Na 400 – Lecie Unii Brzeskiej 1596–1996. Warszawa, 1996. С. 23.
- ⁷ См.: Stępień S. Nowa unia kościelna w – obrządek bizantyńsko-słowiański // Polska – Ukraina. 100 lat sąsiedztwa. t. 2. Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu kulturowym i etnicznym / Pod. red. S. Stępnia. Przemysl, 1994. S. 153.
- ⁸ См.: Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. Мн., 1969. С. 177.
- ⁹ См.: Домбровский А. Указ. соч. С. 4–7.
- ¹⁰ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 108.
- ¹¹ См.: Początki i rozwój Albertyna // Oriens. 1933. № 2. С. 44.
- ¹² См.: Rzemieniuk F. Kościół katolicki obrządku Bizantyjsko-Słowiańskiego (Neunia). Lublin, 1999. С. 116, 117.
- ¹³ См.: Мараш Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси (1918–1939). Мн., 1983. С. 12.
- ¹⁴ См.: Stępień S. Указ. соч. С. 154–155.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 155.
- ¹⁶ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁷ См.: Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. М., 1977. С. 90; Николаев К. Н. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁸ См.: Лужницький Г. Українська церква між сходам і захадам. Нарыс історії української церкви. Філадельфія, 1954. С. 551.
- ¹⁹ См.: Stępień S. Указ. соч. С. 155.
- ²⁰ История русской церкви 1917–1997. Кн. 9 / Под ред. В. Цитина. М., 1997. С. 233.
- ²¹ См.: Stępień S. Указ. соч. С. 155.
- ²² См.: Домбровский А. Указ. соч. С. 7.
- ²³ См.: Гардзіенка А. Шлях да адраджэння уніі // Царква (юбілейны спецвыпуск). 2000. Лістапад. С. 2.
- ²⁴ Домбровский А. Указ. соч. С. 4–7.
- ²⁵ См.: Там же. С. 14–17.
- ²⁶ См.: Там же. С. 7.
- ²⁷ См.: Rzemieniuk F. Указ. соч. С. 119, 120.
- ²⁸ См.: Oriens. 1938. № 1. С. 30.
- ²⁹ См.: Домбровский А. Указ. соч. С. 14–17.
- ³⁰ См.: Rzemieniuk F. Указ. соч. С. 117.
- ³¹ См.: Да Злучэння. № 3–4. 1936. С. 18.
- ³² См.: Попов А. Пора проснуться. Гонение на православие и русских в Польше в XX веке. СПб.: Париж, 1993. С. 19–20.
- ³³ См.: Oriens. 1938. № 4. С. 126–127.
- ³⁴ См.: Opracowanie zagadnienia polskiego stanu posiadania w wojewodztwie Nowogrodzkim. Nowogrodek, 1939. С. 46.
- ³⁵ См.: Да Злучэння. № 8–9. 1935. С. 10.
- ³⁶ См.: Podlasiak. Odrodzenie unji na Podlasie // Oriens. 1933. № 2. С. 38.
- ³⁷ См.: Pamiętnik VI-ej Pńskiej Konferencji Kapłanskiej w sprawie unii kościelnej (1–3 wrz. 1937). Pinsk, 1937. С. 6.
- ³⁸ См.: Oriens. 1938. № 6. С. 190.
- ³⁹ См.: Oriens. 1933. № 1.
- ⁴⁰ См.: Карманскі П. Ватыкан – натхніцель цемрашальніцтва і рэакцыі. Мн., 1954. С. 28.
- ⁴¹ См.: Круглов А. А. Развитие атеизма в Белоруссии. Мн., 1989. С. 78.
- ⁴² См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 261.
- ⁴³ См.: Там же. С. 293.
- ⁴⁴ См.: Винтер Э. Указ. соч. С. 90.
- ⁴⁵ См.: Центральный Государственный исторический архив Украины во Львове. Ф. 451. Оп. 2. Д. 188. Л. 4, 7–9, 11, 15, 17, 18.
- ⁴⁶ Домбровский А. Указ. соч. С. 14–17.
- ⁴⁷ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 10. Д. 2853. Л. 2.
- ⁴⁸ См.: Stępień S. Указ. соч. С. 155.
- ⁴⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2015. Л. 16.
- ⁵⁰ Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Мн., 1964. С. 71, 72.
- ⁵¹ Надсон А. Магдалена Радзівіл і грэка-каталіцкая царква. Лёндан, 2001. С. 10.
- ⁵² См.: Надсон А. Дзюя і грэка-каталіцкая царква на Беларусі. Лёндан, 2001. С. 18.
- ⁵³ См.: І. К. Беларус з Слонімшчыны. Аб уніі і іезуітах // Рэлігійнае жыццё на Беларусі. Вільня, 1932. С. 42–48.
- ⁵⁴ Цит. по: Документы обличают... Указ. соч. С. 73, 74.
- ⁵⁵ Надсон А. Магдалена... Указ. соч. Лёндан, 2001. С. 11.

⁵⁶ См.: Фёдоров И. О. Униатская политика Ватикана в Западной Беларуси в довоенные годы (1919–1939): Дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 1985. С. 184–185.

⁵⁷ См.: Stepien S. Указ. соч. С. 156–157.

⁵⁸ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 193.

⁵⁹ Pamiętnik I-ej Konferencji Kapłanskiej w sprawie uniji kościeinej w Pinsku. Pinsk, 1931. С. 122.

⁶⁰ См.: Николаев К. Н. Указ. соч. С. 196.

⁶¹ Да Злучэння. 1934. № 12 (36). С. 1, 3.

⁶² См.: Oriens. 1938. № 2. С. 53.

⁶³ См.: Waczynski B. Św. Grzegorz i sw. Zachariasz a filioque // Oriens. 1938. № 3. С. 73–75.

⁶⁴ См.: Мараш Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Беларуси (1918–1939). Мн., 1983. С. 11.

Поступила в редакцию 12.12.2002.

Александр Николаевич Свирид – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор П.И. Зелинский.

Е.В. КОРЕНЬ

ДЕКАБРИСТЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Рассматриваются политические воззрения декабристов и их действия. Декабристы представляются автору вынужденными революционерами, которых на выступление толкнула реакция.

The article is devoted to political views of the Decembrists as well as their actions. The Decembrists are seen by the author as compelled revolutionists pushed to actions by the reaction.

Благодаря политической роли декабристы выделились на фоне своей эпохи и заняли особое место в общеисторическом потоке. Будучи представителями привилегированного сословия, они тем не менее выступали против крепостного права и прочих дворянских привилегий, боролись за социальную справедливость.

Многие их действия и поступки, истолкованные вне определенного исторического и политического контекста, могут быть неправильно поняты. Вот, например, что писал о К.Ф. Рылееве его сослуживец А.И. Косовский: «...он не полюбил службы, даже возненавидел ее... называл это унижительным для человека, понимающего самого себя, то есть подчиняться себе подобному и быть постоянно в прямой зависимости к начальнику; ...с наступлением же 1815 года, когда российские войска вторично вступили в пределы Франции... когда батарея готовилась к высочайшему смотру близ г. Вертю, Рылеев успел составить несколько записок того края, в которых старался изложить свой взгляд. Зародилась в нем мысль, что в России все дурно, для чего необходимо изменить все законы и восстановить (так в источнике. – Е. К.) конституцию... он старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов. В течение 1817–1818 гг. он исписал целые горы бумаги... деловых никогда никому не показывал. При стольких заботах своих он крепко дорожил временем и редко показывался между товарищами, а если и являлся, то на короткое время, часто уверяя, что один трудится за всех нас». Он говорил: «По моему мнению, вы жалкие и умрете в неизвестности, тогда как мое имя займет в истории несколько страниц; кто переживет из вас, тот убедится!..» «Слушая эти речи из уст такого мечтателя, каков был Рылеев, мы этот раз посмеялись от души и пожалели, что он не оставляет своих убеждений, которые со временем могли расстроить его умственные понятия... чтобы передать свое имя потомству, он заранее обрек себя на все смерти!» Сослуживцы обращали внимание на то, что Рылеев «помешан был на равенстве и свободомыслии». Он предсказал России в будущем «величие и счастье подданных, но не иначе как с изменением законов, уничтожением лихоимства, доказывал, сколько зла в администрации... нам же завещал свою мысль: не подчиняться никому, стремиться к равенству вообще и идти путем здравого рассудка, в чем, по его мнению, состояло

